С настоящей, большой русской поэзией я познакомился довольно рано, когда учился в третьем классе в сельской начальной школе. Я жил тогда у родственницы по материнской линии — у тёти Поли. В избе висел настенный календарик, и там были напечатаны стихи известных русских классиков. И первым, кого я там прочёл, был именно Пушкин. Помню, как трепыхнулось и замерло моё детское сердце от первой пушкинской строки: «Унылая пора, очей очарованье!»

Этот скромный календарик и есть та отправная точка, тот импульсивный внутренний толчок, разбудивший во мне таинственную тягу к стихам, которые я начну писать через два года, учась в пятом классе. Это как-то само собой, совершенно естественным образом случилось. Именно литературное творчество способствовало тому, что в моей жизни происходили удивительные встречи с замечательными людьми. Одна из них — встреча с правнуком гениального поэта Григорием Григорьевичем Пушкиным.

А было это 14 февраля 1983 года в Москве. В этот благословенный день встретил я на пороге издательства «Молодая гвардия» двух своих друзей-однокашников по Литературному институту. Они-то и уговорили меня поехать к Гри-Гри, так они фамильярно называли Григория Григорьевича, а меня всего передёрнуло. Подумалось: ну зачем же так запанибратски... Да ведь с кем! С прямым, самым близким потомком Пушкина.

Сначала ехали на метро до станции «Сокол», а далее троллейбусом до остановки «Улица Тухачевского». Дверь нам открыл сам Григорий Григорьевич. Улыбается. Мерцают лучистые морщинки возле голубовато-синих глаз. Во всём его облике, в мягкости голоса, душевной открытости легко угадывается естественная русская сердечность и отзывчивость. Помню, как он тепло принял нас, произнося: «Слава Богу, приехали мои ребятушки!» Ну и, конечно, сразу же по старой московской привычке провёл нас на кухню, предложив сесть за небольшой столик, на который мы выложили скромную снедь, помогая хозяину разложить её на тарелки. Григорий Григорьевич поставил на столик пузатенькие рюмашки. Они быстро наполнились спиртным... Мои друзья — ребята заводные, азартные. Ещё не шибко известные, но форсистые, занозистые, читают с потягом стихи. По правую руку от меня горбатенький, очёчки на тонком, как фанерка, носу. Чуть сдвинутый вбок, в виде павлиньего хвоста, яркий галстук, торчащий из-под клетчатого, ладистого пиджачка. Но что там внешность! Её тут же забудешь... А вот голос, стихи — нет! Кованая, литая строка, оперённая мыслью. Это Игорь Крохин — поэт из города Орла.

А по левую руку от меня — рубаха-парень из Ижевска Владимир Емельянов. До сих пор живёт во мне смятенное чувство восторга и тревоги, ибо его стихи являли мне

драматические картины человеческих судеб на фоне приближающихся перемен. До начала так называемой «перестройки» оставалось буквально несколько лет.

Простите, немного отвлёкся от главного: мы в гостях у пушкинского потомка. Весь его внешний облик во многом напоминает самого Александра Сергеевича: крутой, покатый лоб, чётко проступает выпуклость надбровных дуг, резкий вырез ноздрей (вспомните автопортреты поэта), чуть как бы приплюснутый кончик носа. Но более всего поразили меня вскинутые вверх руки во время нашего весёлого разговора. Манжеты рубашки были отстёгнуты, рукава опали и до самых локтей увиделись открытые руки, а пальцы, как брызги, разлетелись в разные стороны — филигранные, точёные, особенно их крайние фаланги, изящно закруглённые. Мне сразу же вспомнился портрет Пушкина, написанный Орестом Кипренским.

Мои друзья-поэты шумно вспоминали недавнюю творческую поездку по Удмуртии. Вместе с ними выступал и Григорий Григорьевич, рассказывая о своём великом предке, о малоизвестных семейных преданиях, но прежде всего — эмоционально и выразительно читал стихи своего прадеда. Остановимся. Вдумаемся. Григорий Григорьевич — самый близкий по родословной к поэту. Он наш современник. Тембр голоса Григория Григорьевича, верилось мне тогда, созвучен голосу его прадеда. Это же сам Пушкин разговаривает с нами — вот такая мысль постоянно мелькала у меня в голове.

В то время он вступал в своё семидесятилетие. Стало быть, год его рождения 1913. Он только на один год, подумал я, старше моего отца. Их можно считать ровесниками. Как многие его предки, он с честью служил Отечеству, участвовал в Финской кампании, а в годы Великой Отечественной войны сражался с немцами. Воевал стойко и достойно, за что получил боевые награды. Но о самой войне мы, к сожалению, поговорить не успели. Очень жаль. В тот вечер Григорий Григорьевич показал свою трёхкомнатную квартиру. Мы рассматривали старинный семейный фарфор, а рядом стоял чернильный прибор, когда-то принадлежавший дочери поэта Марии Александровне. На стене висело прекрасно исполненное художником генеалогическое древо пушкинского рода, уходящее своими глубокими корнями к Благоверному великому русскому князю Александру Ярославичу Невскому. Знакомясь с родовым древом Пушкиных — вспоминали сельцо Михайловское, где расположен Пушкинский заповедник, в котором проводятся ежегодные Пушкинские праздники поэзии.

...Шёл февраль. Дни стояли короткие. Было снежно и вьюжно в Москве, но тепло и уютно в гостеприимной квартире пушкинского потомка. Наша беседа затянулась далеко за полночь. Заторопился на поезд Владимир Емельянов, а Игорю Крохину и мне чета Пушкиных предложила переночевать у них. Как сладко и блаженно спалось нам на раскладном диване той метельной февральской ночью у потомка нашего национального поэта! Я долго не мог заснуть, вспоминая стихи Пушкина и особенно то стихотворение, что было напечатано в отрывном настенном календарике, висевшем в простой избе тёти Поли.

А потом, после неоднократного посещения Пушкиногорья, я написал стихотворный цикл, которым и закончу это коротенькое эссе.

СВЕТЯСЬ, КАК ПУШКИНА, ДУША...

1

На горке Савкиной — часовня
И каменный массивный крест,
Блеск ослепительного полдня...
Божественней не сыщешь мест.
Они овеяны пахучим
Черёмуховым ветерком...
Как «мчатся тучи, вьются тучи»,
Представить здесь нам так легко!
Лесной тропинкой одиноко
Бродил поэт... Хандру гоня,
Летела мысль его высоко,
Пространства грозные тесня.
Сей край объят великой тайной,
К ней устремляемся, спеша...
Вот Сороть! Облако в ней тает,
Светясь, как Пушкина душа.
И все о нём воспоминанья
Живою явью предстают.
Его томленья и страданья
Острее чувствуются тут.
И ты на старенькой скамейке
Сидишь, угрюма и строга...
И нежным голосом жалейки
В нас плачет Пушкина строка.

2

Повсюду зелень прорастала,
Темнел Воронича откос...
Крылами бабочка мигала,
Таясь за листьями берёз.
Сквозь толчею узорных листьев
Мигнула раз, другой и... нет!
И хоть слилась с небесной высью,
А вот поди ж, остался след.
Остался след! А разве мало
Прожить так ярко майский день?!
Пусть ты из глаз тогда пропала,
Зато так долго трепетала
Твоя порхающая тень!

3

В Пушкиногорье нынче жарко...
Но ветром дунуло с полей –
И засинела неба арка
Сквозь сумрак липовых аллей.
Там, в этом сумраке лучистом,
Струящемся из-за леска,
Холодным светом серебристым
Отсвечивают облака.
И летний день, как вечность, длится...
Аллея Керн, зашелести!
Ведь серебристый свет стремится,
Дробясь, в алмазный перейти.

4

Свистит, чивичит птичья молодь...
Вон света столб стоймя стоит!
Виясь, посверкивает Сороть,
Ультрамарин её горит.
Искрится росами низина.
И, видно, всё же неспроста
Здесь веют силою былинной
Благословенные места.
Бежит в Михайловское тропка...
А что ни час — яснее день.
И ветерок легко и робко
Качает лип старинных тень.
Ах, что за дивные прогулки!
Как славно быть здесь одному!
Должно быть, часто в Петербурге
Всё это виделось ему:
И эти царственные липы
В багровых гроздьях снегирей,
И половиц широких скрипы...
И шёпот: «Сашенька, скорей
Иди сюда!» И шелест платья.
И мягкая покорность плеч...
И снова шёпот: «Дай мне... счастья!»
И поцелуи и объятья...
И — потуханье — тёплых свеч.